

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.2>

UDC 342.22
LBC 67.0

Submitted: 23.12.2021
Accepted: 26.01.2022

GEOPOLITICS AS A CONCEPTUAL PARADIGM OF THE CONTENT AND ESSENCE OF THE STATE AND LAW

Nikolay I. Grachev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the dominance of liberal ideology in modern jurisprudence eliminates the concept of an exclusive state and legal space. Under the basic postulates of theoretical geopolitics, on the contrary, the formation and development of any viable state organism occur by linking it to a certain part of the earth's surface and is determined by its geographical properties. The **subject** of the paper is the study of the impact of geopolitical factors on the state and legal organization of countries and peoples. Its **purpose** is to establish the degree of conditionality of the internal legal order of states by the properties of spatial localization of the peoples forming them. **Methods:** the methodological framework for the research was a set of methods of scientific cognition, among which the dialectical method and the civilizational approach took the main place in the systematic analysis of the main trends in the development of sovereign statehood in historical retrospect and in the modern world. **Results:** modern jurisprudence and positive law, including international law, are increasingly correlated with liberal ideology, claiming the universality of its values and meanings and their spread on a global scale, which leads to an increasing weakening of sovereignty, chaos, and anomie in the internal life of states and international relations. **Conclusions:** in the current conditions, the law cannot act as a "measure of all things". It should be exhaustively put at the service of geopolitics, helping the state, claiming real sovereignty, to implement such a strategy for the development of its own and surrounding space, which would allow it to extract the greatest positive results from its geographical structure and achieve natural borders in the further development, thereby adequately defining the place of existence and development of the state-forming people.

Key words: geopolitics, state, law, international law, localization, sovereignty, state-forming people.

Citation. Grachev N.I. Geopolitics As a Conceptual Paradigm of the Content and Essence of the State and Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 13-22. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.2>

УДК 342.22
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 23.12.2021
Дата принятия статьи: 26.01.2022

ГЕОПОЛИТИКА КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА СОДЕРЖАНИЯ И СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Николай Иванович Грачев

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: господство либеральной идеологии в современной юриспруденции элиминирует понятие эксклюзивного государственного и правового пространства. В соответствии с основными постулатами геополитической геополитики, наоборот, формирование и развитие любого жизнеспособного государственного

организма происходит путем его привязки к определенной части поверхности земли и определяется ее географическими свойствами. **Предметом** настоящей статьи является исследование влияния геополитических факторов на государственную и правовую организацию стран и народов. Ее **целью** – установление степени обусловленности внутреннего правопорядка государств свойствами пространственной локализации народов, их образующих. **Методологическую основу** работы составила совокупность методов научного познания, среди которых основное место заняли диалектический метод и цивилизационный подход при системном анализе основных тенденций развития суверенной государственности в исторической ретроспективе и в современном мире. **Результаты:** современные юриспруденция и позитивное право, включая международное, все более коррелируют с либеральной идеологией, претендующей на универсальность своих ценностей, смыслов и их распространение в глобальном масштабе, что ведет ко все большему ослаблению суверенитета, хаосу и аномии во внутренней жизни государств и международных отношениях. **Выводы:** в сложившихся условиях право не может выступать «мерой всех вещей». Оно должно исчерпывающим образом быть поставлено на службу геополитике, помогая реализовать государству, претендующему на реальный суверенитет, такую стратегию освоения собственного и окружающего пространства, которая позволила бы ему извлечь наибольшие позитивные результаты из своей географической структуры и достичь в дальнейшем развитии естественных границ, адекватно определяя тем самым место существования и развития государствообразующего народа.

Ключевые слова: геополитика, государство, право, международное право, локализация, суверенитет, государствообразующий народ.

Цитирование. Грачев Н. И. Геополитика как концептуальная парадигма содержания и сущности государства и права // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 13–22. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.2>

Геополитика как наука складывается в начале XX века. Однако как практическая деятельность она ведет свое начало с момента образования первых протогосударственных образований, когда различные племена, этносы и их объединения вели борьбу за наиболее удобные и выгодные для своего существования и жизнедеятельности территории. Позднее, после разделения земного пространства между различными странами и народами, геополитика в своей практической ипостаси становится искусством управления государством путем эмпирического освоения закономерностей, на основе которых происходит не только локализация государствообразующих народов и устанавливается территориальная организация власти и управления ими, но и распределение, и перераспределение сфер влияния различных государств и межгосударственных объединений по отношению к окружающему миру, а затем и территории всего земного шара. В современных условиях изучение таких закономерностей и постановка их на службу своему государству является, на наш взгляд, задачей не только геополитики, но и всех обществоведческих наук, в том числе, и юриспруденции, поскольку территориальное пространство земли и есть «настоящий фундамент, на который опирается и на котором развивается государство» [14, с. 609], место,

где реализует себя нация, и являющееся основой событий, создающих ее историю.

Связь между территорией как определенной природной средой и государственной организацией, существующей в ее рамках народа, давно является достаточно очевидной и, можно сказать, стала общим местом в юридических науках. Хотя понятие территории рассматривается в них прежде всего как пространственная основа политико-правовой организации государства, сфера распространения его суверенитета и область юрисдикции верховной государственной власти, в то же время не отрицается и ее качество конститутивного, первичного элемента государства, бытие которого вне пространственной определенности невозможно. Однако обычно в юридических исследованиях дальше этого не идут. Повсеместное господство либеральной идеологии практически во всех основных школах современной юриспруденции фактически элиминирует в ней понятие эксклюзивного государственного (национального или цивилизационного) и правового пространства. Оно давно рассматривается как некий пустой, в ментальном плане, контейнер, способный вместить в себя любой господствующий в настоящее время политико-правовой дискурс. Пространство, с этой точки зрения, восходящей к Г. Зиммелю [20, с. 64–117], выступавшему

против всех форм географического детерминизма, есть не более, чем форма социальной деятельности, которая вполне произвольна и может быть наполнена любым этническим и политико-правовым содержанием, обусловленным представлениями и рациональным выбором членов гражданского общества, а по сути, правящего слоя (элиты). Отсюда происходит доминирующий в юридической науке взгляд, что государственная власть при своем пространственном распространении воздействует не на саму территорию как таковую, а на людей, находящихся в ее пределах, и может это делать в любом направлении вполне произвольно и независимо от географических и геоэкономических условий местонахождения. То есть пространство как таковое не является действующим, а тем более определяющим фактором форм и содержания государства и права того или иного народа или цивилизации, оно зависит от политико-правовых концептов, продуцируемых или разделяемых правящими элитами.

Поэтому отношение государства к территории исчерпывается в правоведении описанием исключительно формально-правовых аспектов. Между тем роль пространственного фактора в исследовании практически любого государства, или государственности как явления в целом заслуживает куда более серьезного внимания и требует освещения не с одной лишь юридической точки зрения, но, как минимум, еще и с позиций геополитики. Это вытекает из того очевидного факта, что право, будучи лишь одной из сторон жизни общества, в основном его внешней, формальной стороной, не может быть обосновано изнутри, свойственными исключительно ему, имманентными методами, которыми оно собственно и было формализовано. Его действенный анализ возможен только с позиций общественного целого [16, с. 93–102; 24, с. 74–76], обеспечения его выживания и развития. Но в этом своем качестве историческое общество складывается и развивается как государственный организм, привязанный к определенной части поверхности земли и все его характеристики, структуры и институты детерминированы вмещающим ландшафтом [7, с. 33–35], который является местом обитания государствообразующего народа, его идей, норм и ценностей, определяющих

его национальную (цивилизационную) идентичность [8, с. 123–125]. Соответственно, внутренний правопорядок любого государства, как и международно-правовой порядок, изначально обусловлены измерением и размежеванием полезной почвы и ведут свое происхождение от первоначального захвата земель, основания государств и колоний, выступающих первичными (учредительными) правовыми актами, прямо связанными с территориальной локализацией [25, с. 12–16].

На это прямо указывает в пятой книге своих «Этимологий» еще Исидор Севильский (ок. 560–631 гг.), последний латинский отец Церкви и основатель средневекового энциклопедизма: «Международное право (дословно *jus gentium* – право народов. – *Н. Г.*) – это захват места жительства, сооружение зданий, возведение укреплений, войны, захват в плен, рабство, возвращение из плена, мирные договоры, перемирие, святость неприкосновенности послов, запрещение браков между иностранцами. И оттого это право называется международным, что этим правом пользуются почти все народы» [9]. Дж. Вико, обладавший глубокими знаниями мифологии и эзотерики, также связывает происхождение государства и права с размежеванием земли («разделом полей»), указывая, что «здесь же следует искать Возникновение деления на Города и Народы и конце концов Нации» [3, с. 10]. В учении И. Канта о праве, первоначальное приобретение «прямой» собственности государства на землю является главным условием всех остальных вещных прав, которые производны от суверенных правомочий верховного правителя как хозяина территории («*dominus territorii*»). На этом приобретении или захвате основывается полномочие верховной власти налагать поборы на частных земельных собственников, то есть, взимать с них налоги в виде земельной подати, акцизных сборов, пошлины или услуг, а также покоится экономическое, финансовое и полицейское право государства, как и само деление права на частное и публичное [10, с. 246–248]. Согласно работам Дж. Локка, сущность верховной государственной власти заключается в первую очередь в юрисдикции над землей и лишь вследствие этого она приобретает господство над обитающими на этой земле людьми [13,

с. 333]. Как видно, это полностью противоречит современным представлениям о характере соотношения публичной власти, территории и населения как основных элементов государства, сложившихся в юриспруденции в последние 1,5–2 столетия.

Захват или/и (при-)соединение территорий как определение мест пространственной локализации народов, образующих государства, выступают в каждую историческую эпоху первейшими геополитическими актами, содержа в себе зародыши всех процессов структуризации и институционализации общества, а следовательно, изначальными актами учреждения всякого последующего права и правопорядка, как во внутреннем, так и во внешнем аспекте их жизнедеятельности. Во внутреннем (внутригосударственном) – посредством разделения территории страны, определения статуса региональных единиц, закрепления порядка земельных и имущественных отношений среди населения. Во внешнем – посредством определения государственных границ, установления фактического суверенитета над подконтрольной территорией и отношений с другими странами и народами в качестве полноценных субъектов международного права.

Таким образом, первоначальное политическое деление земного пространства («номос земли», по выражению К. Шмитта) оказалось одновременно геояридическим фактом, изначальным радикальным основанием и отправным пунктом процесса конституирования права и правового порядка [25, с. 15, 17–18], вытекающим из установления целого ряда различных локальных внутригосударственных политико-правовых режимов, выражавших тесную связь и определенное соответствие между вполне конкретным народом и ландшафтными особенностями занимаемого им пространства, что всегда достаточно быстро находило свое проявление в его государственных и юридических институтах и формах.

Причем в данном случае речь должна вестись как о внешней, так и о внутренней геополитике, где предметом выступают не только вопросы статуса государства в глобальных процессах и зависимость его внешнеполитической стратегии от местоположения, ресурсной базы и иных географических условий, но

и проблемы контроля государством собственного геопространства в максимальном объеме на основе внутренних природных, экономических, культурных и иных факторов, которым должны соответствовать организация публичной власти, формы и методы управления ближней и дальней периферией и характер взаимоотношения центральной, региональной и местной элит.

В основе внутренней геополитики в ее практической плоскости объективно находится не формально-правовое деление государственной территории, а ее геоэкономическая и геополитическая структура, в которой, исходя из роли тех или иных географических регионов страны в становлении государства, их хозяйственного и культурного значения, возможностей влияния на содержание и характер актов управления, особенностей проявления центростремительных и центробежных тенденций на протяжении его исторического существования выделяются: *центр*, выступающий местом нахождения верховной государственной власти и принятия важнейших политических решений; *неотчуждаемое ядро (паттерн)* как территория происхождения государства, давшая импульс его формирования и дальнейшей эволюции, центральная зона, обеспечивающая его устойчивость и воспроизводство; *периферия* (периферийные образования) – окраинные составные части государства, культурно-цивилизационно близкие ядру, но находящиеся за его пределами, где обращают на себя внимание *ближняя (внутренняя) сфера*, тесно связанная с центром, и *дальняя (внешняя) сфера*, которую центр не всегда может контролировать в необходимой степени; *лимитроф(-ы)*, или *фронт-тир* – территории по окраинам, с размытым или неопределенным культурным и правовым статусом, опосредующие отношения государства с миром других стран, народов и цивилизаций [6, с. 206–207]. Не все государства приобретали в процессе своего становления и развития именно такую территориальную структуру, а лишь те, которые претендовали на великодержавный имперский статус и участвовали в политическом разделе современного им мира. В этом процессе между государствами такого типа и внутри них, между указанными территориальными частями, возникают и дол-

гое время сохраняются, с одной стороны, весьма устойчивые и разнообразные связи, с другой – многочисленные экономические, юридические, культурные и иные противоречия, характеризующиеся оппозициями типа: «расширение – сжатие»; объединение (присоединение) – размежевание; интеграция – дезинтеграция (регионализация или фрагментация); централизация – децентрализация; близость – удаленность, относительно центра верховной власти; моноцентричность – полицентричность, при наличии нескольких претендентов на верховную власть. Эти оппозиции, с которыми любое фактически суверенное государство постоянно сталкивается и преодолевает, выстраивая социальные, политико-правовые и административные иерархии, почти никогда не находят адекватных аналогов в языке юриспруденции и законодательстве. Так, в условиях империалистической стадии развития капитализма и современного глобализирующегося мира, границы формально суверенных государств никак не объясняют собой реальной картины их внутренней жизни и всей системы международных отношений, поскольку понятие суверенитета для многих из них становится эвфемизмом, скрывающим их фактическое положение сателлитов, протекторатов и полуколоний великих держав или транснациональных кластеров. Исходя из этого, например, «крупнейшая геополитическая катастрофа века» [17], какой стал распад СССР, в конституционно-правовой терминологии постсоветской России превратилась в «возрождение суверенной государственности», «утверждение незыблемости ее демократической основы» и «сохранение исторически сложившегося государственного единства» [12], хотя «в политико-географическом отношении» она представляет собой «своеобразное возвращение к допетербургской фазе истории русского государства» [23, с. 39], и только с 2008 г. наметилась, а в 2014 г. получила дальнейшее развитие, тенденция к восстановлению ею державного статуса.

Другими словами, внутренняя геополитика государства не совпадает по объему с правовым регулированием, административной и юрисдикционной деятельностью государственных органов или его региональной политикой, также как и со всеми ими в совокупно-

сти. В отличие от них, решающих чаще всего тактические управленческие задачи, она призвана гарантировать выполнение стратегических целей общей глобальной геополитики государства и потому направлена прежде всего на обеспечение территориальной целостности и единства его политического, экономического и духовно-культурного пространства, воспрепятствование центробежным тенденциям и распаду, защиту от внешней экспансии и сохранение суверенитета, что позволяет ему выступать субъектом мировых геополитических процессов. Такие цели не могут быть достигнуты исключительно правовыми средствами и быть осуществлены в рамках правовой деятельности государственного аппарата. Здесь фактические акты управления и контроля над пространствами своей страны выходят на передний край, обеспечивая внутреннюю интеграцию государственно организованного общества, его адаптацию к глобально-мировому сообществу, определение достойного места и значимой роли в нем. Получается, что позитивное право государства и его геополитика, в том числе и внутренняя, существуют в разных плоскостях бытия или того хуже – расходятся в своих внутренних императивах, воздействуя на общество в различных направлениях.

Геополитика в своем научном и практическом аспектах, в отличие от юриспруденции и правовой политики, «предполагает государствоцентричный взгляд на проблему пространства» [15, с. 15], моделируя консервативное отношение к территории как сакральному телу нации, месту обитания ее смыслов и ценностей, ядру цивилизационной идентичности, основе ее политического суверенитета, утрата границ которой либо отступление от них равносильна собственной духовной, а затем и физической гибели. Возникновение и территориальное расширение имперских держав является, с этой точки зрения, естественной экспансией более мощных социально-политических организмов, присоединяющих к себе и (или) включающих в свой состав иные земли и населяющие их этнические группы, но почти никогда не растворяющие их в себе полностью и не подавляющие их культурную самобытность. Но такая пространственная эскалация имеет естественные географические

и/или цивилизационные пределы и всегда предполагает наличие других государств и цивилизаций, в геополитической борьбе с которыми и за счет которых они осуществляют расширение сферы собственного суверенитета. Сам качественный признак суверенитета может получить свое основополагающее значение только в традиционном для геополитики смысле, связанном с определением жизненного пространства государствообразующего народа и установлением постоянного надлежущего контроля над ним.

Суверенитет остается по преимуществу геополитической категорией и в эпоху конституционных (либерально-демократических) режимов, поскольку конституция любого государства может действовать только внутри его границ, за которыми начинается верховенство иной конституции. Тем самым, пространственное размежевание сфер контроля и влияния между государствами осуществляется не только правовыми, но и, в первую очередь, политическими средствами, и народу, желающему быть субъектом, а не объектом политики и права, необходимо конституировать себя не просто в качестве государства, но государства могущественного, обладающего «внешней мощью, ибо из стремления государств к могуществу неизбежно вытекает то, что всякое слабое государство <...> является в возможности (потенциально) и в действительности (defacto) добычей для государства сильного» [18, с. 787]. Поэтому геополитический подход в науке и практике государственного управления исходит из возможности и необходимости существования многополярного мира. Однако современные национальные государства, которых на международной арене насчитывается более двухсот, в подавляющем большинстве не обладают реальным суверенитетом и не подходят на роль полюсов геополитической многополярности. Они утрачивают монополию на правовое регулирование и применение легитимного физического насилия на своей территории, теряют способность к проведению необходимой экономической и социально-политической модернизации общества, становятся совершенно не способными отвечать на вызовы современности и проводить необходимые преобразования.

Явная и интенсивная политизация цивилизационных факторов, обозначившаяся на пороге XXI в., привела к возникновению нескольких центров силы в лице так называемых региональных держав, «стержневых государств», по выражению С. Хантингтона, способных интегрировать на основе экономического или/и военного доминирования и политического лидерства крупные географические регионы, народы и страны которых имеют сходный культурный код, что способствует формированию метагосударственных образований неоимперского типа (Китай – в Юго-Восточной Азии, Индия – в Южной Азии, Бразилия – в Южной Америке, ЮАР – в Африке, Россия – в Евразии) [1, с. 671–672; 11, с. 734–735; 22, с. 238–280]. Они, разумеется, не могут быть абсолютной копией прежних империй, но целый ряд их качественных и статусных характеристик вновь оказывается востребованным и воспроизводится в новых условиях лишь с незначительными модификациями. Другая возможность территориальной трансформации современных государств заключается в тенденции к образованию наднациональных макрорегиональных союзов, которые по мере дальнейшего усиления интеграционных процессов будут постепенно обретать черты государственно-правовых образований. Такие союзы способны управлять обществом в масштабах даже не нескольких стран, а целого континента или крупного географического района (Европейский Союз, Арабская Лига, Африканский Союз, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии – АСЕАН, Южноамериканский единый рынок). Их также можно рассматривать в качестве формирующихся империй, которые могут состояться только на основе геополитической гегемонии «стержневых государств».

О том, что империя как государственная форма в условиях XXI в. вновь «обретает плоть», свидетельствует и тот факт, что в настоящее время имперские формы контроля пытаются использовать в тех обществах, где нации-государства по существу так и (или еще) не сложились или оказались в кризисе. В данном аспекте, прежде всего, следует указать на Польшу и Турцию. В руководящих кругах первой мечтают о восстановлении Речи Посполитой от Черного до Балтийского моря

(«od morza do morza») и активно обсуждают проект «Междуморья» – гипотетического надгосударственного объединения из собственно Польши, а также Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Венгрии, Румынии, Югославии, Чехии, Словакии и, возможно, даже Финляндии, при руководящей роли Польской республики [4; 5, с. 95–107]. В Турции начиная с 90-х гг. XX в. руководители страны, возродив пантюркизм в его радикальных формах, грезят о воссоздании нового «великого Турана», включающего в себя все тюркоязычные народы, в том числе российского Северного Кавказа – балкарцев, карачаевцев, кумыков, ногайцев, а также татар, башкир и др. [21, с. 149]. Вновь победивший на президентских выборах в Турции в июне 2018 г. Р. Эрдоган внес на рассмотрение в парламент свой первый после избрания законопроект о переименовании Турции в Османскую империю, а должности президента – в султана. Согласно тексту проекта турецкий лидер должен будет пожизненно носить титул «Великий халиф и Султан Османской империи» [26]. Мечты о восстановлении былого имперского величия будоражат общественное сознание Японии и Ирана. Проект воссоздания нового Арабского Халифата существует у правящей в Саудовской Аравии семьи Саудитов [2]. С учетом попытки создания однополярного мира на основе экономического, информационного, военного и геостратегического господства США, можно констатировать, что империи и имперскость как определенное состояние государственности и геополитического расклада на международной арене никуда не уходили и не уходят, они лишь меняют свои формы, а иногда и акторов.

В свою очередь, юриспруденция и позитивное право, как внутригосударственное, так и международное, по мере своей эволюции, все более коррелируя напрямую с либеральной идеологией, претендует на универсальность и объективность своих ценностей и смыслов и их распространение в глобальном масштабе, несмотря на то, что они свойственны исключительно индивидуалистической культуре западной цивилизации. Право в современных условиях экономической, информационной и культурной глобализации все более теряет не только национальную, цивилизационно-

культурную специфику, но и конкретнополитическую, государственно-пространственную идентичность.

Исходя из этого, право не может выступать в отношении внутренней и внешней государственной политики мерой всех вещей, к чему стремятся юснатурализм и другие либеральные течения юриспруденции. Скорее наоборот, оно должно исчерпывающим образом быть поставлено им на службу [19, с. 609], помогая реализовать такую стратегию и тактику освоения государством собственного пространства, которая при опоре на четко установленный паттерн позволила бы извлечь наибольшие позитивные результаты из его географической структуры [23, с. 38], достичь в своем объективном развитии естественных границ, адекватно определяя, тем самым, место существования и развития государствообразующей нации или суперэтноса.

К сожалению, пока такая задача ни перед отечественной юридической наукой, ни перед законодательством высшим руководством страны не ставится. Хотя инициированные Президентом РФ и принятые в 2020 г. поправки к Конституции РФ создают определенную правовую базу для начала такой работы. Давно известно, что конституция как основной закон государства является не только правовым, но и важнейшим политическим документом. Однако в конституционно-правовой науке соотношение политики и права ставится исключительно в плоскости соответствия управленческих практик тексту и духу конституции. Тогда как в настоящее время проблема состоит в том, чтобы определить насколько текст основного закона сочетается с цивилизационными особенностями российского государства и отвечает его геополитическим целям и задачам, задаваемым объективно. С принятием Конституции РФ 1993 г. развитие российского законодательства пошло по пути рецепции основных ценностей евроатлантической правовой идеологии, что выглядело как попытка изменения всей геополитической парадигмы российской государственности. Однако достаточно скоро обнаружилась цивилизационная несовместимость условий жизни в России с классическими западными институтами. За внешним копированием заимствованных политико-правовых форм ста-

ло проявляться совсем иное, автохтонное, смысловое содержание, явившееся основанием нового расширения России и возвращения ею своего державного статуса. Это, в свою очередь, потребовало внесения соответствующих изменений в текст действующей Конституции РФ, закрепляющих курс на укрепление государственного суверенитета, умеренный консерватизм как основу национальной идеологии и защиту традиционных ценностей, собственных российской цивилизации на протяжении ее многовекового существования.

Несмотря на известную содержательную скупость и лаконизм поправок, внесенных в Конституцию РФ летом 2020 г., они в целом отвечают сущностным особенностям российской цивилизации, ее имперским политико-правовым традициям и указывают перспективы для возвращения России в ту нишу, которую она в последние 400–500 лет занимала в мировом геополитическом раскладе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабурин, С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок / С. Н. Бабурин. – СПб. : Юридический центр «Пресс», 2005. – 770 с.
2. Борьба империй. Попытки современных держав поделить мир. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://topwar.ru/162056-borba-imperij-sovremennye-derzhavy-pytajutsja-podelit-mir.html>. – Загл. с экрана.
3. Вико, Д. Основания новой науки об общей природе наций / Д. Вико. – М. : «REFL-book» ; Киев : ИСА, 1994. – 656 с.
4. В Польше хотят возродить Речь Посполитую. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2018/04/06/v-polshe-hotyat-vozrodit-rech-pospolituyu>. – Загл. с экрана.
5. Гольцов, А. Г. Региональный геополитический проект «Междуморье»: перспективы реализации / А. Г. Гольцов // Сравнительная политика. – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 95–107.
6. Грачев, Н. И. Формы государственного устройства в современном мире: основы теории и конституционно-правовая практика / Н. И. Грачев. Волгоград : ВА МВД России, 2020. – 524 с.
7. Дугин, А. Г. Геополитика : учеб. пособие для вузов / А. Г. Дугин. – М. : Академический проект : Гаудеамус, 2011. – 523 с.
8. Ионин, Л. Г. Апдейт консерватизма / Л. Г. Ионин. – М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 304 с.
9. Исидор Гиспальский (Севильский). «Этимологии» или «Начала» / Исидор Гиспальский (Севильский). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/text3.phtml?id=8239. – Загл. с экрана.
10. Кант, И. Метафизика нравов в двух частях. Часть первая. Метафизические начала учения о праве. В 6 т. Т. 4. Ч. 2 / И. Кант. – М. : Мысль, 1965. – С. 107–438.
11. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М. : Ладомир, 1997. – 849 с.
12. Конституция Российской Федерации. – М. : АЙРИС-пресс, 2020. – 96 с.
13. Локк, Дж. Два трактата о правлении. В 3 т. Т. 3 / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – С. 135–405.
14. Мангейм, К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.
15. Нурышев, Г. Н. Россия в современной геополитике / Г. Н. Нурышев. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – 276 с.
16. Орехов, В. В. Социология и правоведение / В. В. Орехов, Л. И. Спиридонов // Спиридонов Л. И. Избранные произведения: Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ин-та права им. Принца П.Г. Ольденбургского, 2002. – С. 93–102.
17. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. – 2005. – 25 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rg.ru/2005/04/25/poslanie-text.html>. – Загл. с экрана.
18. Струве, П. Великая Россия (Из размышлений о проблеме русского могущества) / П. Струве // Русский мир. – М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – С. 786–798.
19. Устрялов, Н. В. Элементы государства / Н. В. Устрялов // Классики геополитики, XX век. – М. : АСТ, 2003. – С. 599–652.
20. Филиппов, А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – 285 с.
21. Ханалиев, Н. У. Приоритеты национальной безопасности России на большом Ближнем Востоке / Н. У. Ханалиев // Власть. – 2017. – № 9. – С. 143–152.
22. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.
23. Цымбурский, В. Л. «Остров Россия» за семь лет. Приключения одной геополитической концепции / В. Л. Цымбурский // Конъюнктуры Земли и времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. – М. : Европа, 2011. – С. 32–60.
24. Честнов, И. Л. Проблемы и перспективы юридической науки XXI века / И. Л. Честнов // Юриспруденция XXI века: горизонты развития:

Очерки. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2006. – С. 69–110.

25. Шмитт, К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum* / К. Шмитт. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – 670 с.

26. Эрдоган объявил о переименовании Турции в Османскую империю, а должности президента в султана. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://panorama.pub/4541-erdogan-obyavil-ob-osmanskoj-imperii.html>. – Загл с экрана.

REFERENCES

1. Baburin S.N. *Mir imperij: territoriya gosudarstva i mirovoj poryadok* [The World of Empires: The Territory of the State and the World Order]. Saint Petersburg, Yuridicheskij tsentr «Press» Publ., 2005. 770 p.

2. *Bor'ba imperij. Popytki sovremennyh derzhav podelit' mir* [Struggle of Empires. Attempts of Modern Powers to Divide the World]. URL: <https://topwar.ru/162056-borba-imperij-sovremennye-derzhavy-pytajutsja-podelit-mir.html>.

3. Vico D. *Osnovaniya novej nauki ob obshchej prirode nacij* [Foundations of a New Science of the General Nature of Nations]. Moscow, «REFL-book» Publ.; Kyiv, «ISA» Publ., 1994. 656 p.

4. *V Pol'she hotyat vozrodit' Rech' Pospolituyu* [Poland Wants to Revive the Commonwealth]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/04/06/v-polshe-hotyat-vozrodit-rech-pospolituyu>.

5. Goltsov A.G. Regional'nyj geopoliticheskij proekt «Mezhdumor'e»: perspektivy realizacii [Regional Geopolitical Project “Intermarium”: Implementation Prospects]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 2016, vol. 7, no. 4, pp. 95-107.

6. Grachev N.I. *Formy gosudarstvennogo ustrojstva v sovremennom mire: osnovy teorii i konstitucionno-pravovaya praktika* [Forms of Government in the Modern World: Foundations of Theory and Constitutional and Legal Practice]. Volgograd, VA MVD Rossii, 2020. 524 p.

7. Dugin A.G. *Geopolitika: ucheb. posobie dlya vuzov* [Geopolitics. Textbook for Universities]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ.; Gaudeamus Publ., 2011. 523 p.

8. Ionin L.G. *Apdejt konservatizma* [Update of Conservatism]. Moscow, Izd. dom Gos. un-ta Vysshey shkoly ekonomiki, 2010. 304 p.

9. Isidore Hispalsky (Seville). «*Etimologii*» ili «*Nachala*» [“Etymology” or “Beginnings”]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/text3.phtml?id=8239.

10. Kant I. *Metafizika npravov v dvuh chastyah. Chast' pervaya. Metafizicheskie nachala ucheniya o*

prave. V 6 t. T. 4. Ch. 2 [Metaphysics of Morals in Two Parts. Part One. Metaphysical Principles of the Doctrine of Law. In 6 Vols. Vol. 4. Part 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1965, pp. 107-438.

11. Kissinger G. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow, Ladimir Publ., 1997. 849 p.

12. *Konstituciya Rossijskoj Federacii* [The Constitution of the Russian Federation]. Moscow, AIRIS-press Publ., 2020. 96 p.

13. Locke J. *Dva traktata o pravlenii. V 3 t. T. 3* [Two Treatises on Government. In 3 Vols. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, pp. 135-405.

14. Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [The Diagnosis of Our Time]. Moscow, Jurist Publ., 1994. 700 p.

15. Nuryshev G.N. *Rossiya v sovremennoj geopolitike* [Russia in Modern Geopolitics]. Vologda, ISERTAN, 2012. 276 p.

16. Orekhov V.V., Spiridonov L.I. *Sociologiya i pravovedenie* [Sociology and Jurisprudence]. Spiridonov L.I. *Izbrannye proizvedeniya: Filosofiya i teoriya prava. Sociologiya ugolovnogo prava. Kriminologiya* [Selected Works. Philosophy and Theory of Law. Sociology of Criminal Law. Criminology]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. in-ta prava im. Printsya P.G. Ol'denburgskogo, 2002, pp. 93-102.

17. *Poslanie Prezidenta Rossii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii* [Message from the President of Russia to the Federal Assembly of the Russian Federation], 2005, April 25. URL: <https://rg.ru/2005/04/25/poslanie-text.html>.

18. Struve P. *Velikaya Rossiya (Iz razmyshlenij o probleme russkogo mogushchestva)* [Great Russia (From Reflections on the Problem of Russian Power)]. *Russkij mir* [Russian World]. Moscow, Eksmo; Saint Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2003, pp. 786-798.

19. Ustryalov N.V. *Elementy gosudarstva* [Elements of the State]. *Klassiki geopolitiki, XX vek* [Classics of Geopolitics. 20th Century]. Moscow, Izd-vo AST, 2003, pp. 599-652.

20. Filippov A.F. *Sociologiya prostranstva* [Sociology of Space]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2008. 285 p.

21. Khanaliev N.U. *Prioritety nacional'noj bezopasnosti Rossii na bol'shom Blizhnem Vostoke* [Russian National Security Priorities in the Greater Middle East]. *Vlast'* [Power], 2017, no. 9, pp. 143-152.

22. Huntington S. *Stolknovenie civilizacij* [The Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.

23. Tsymbursky V.L. «*Ostrov Rossiya*» za sem' let. *Priklucheniya odnoj geopoliticheskoy koncepcii* [“Island of Russia” in Seven Years. Adventures of One Geopolitical Concept]. *Konyunktury Zemli i vremeni. Geopoliticheskie i hronopoliticheskie intellektual'nye rassledovaniya* [Conjunctures of the

Earth and Time. Geopolitical and Chronopolitical Intelligence Investigations]. Moscow, Evropa Publ., 2011, pp. 32-60.

24. Chestnov I.L. Problemy i perspektivy yuridicheskoy nauki XXI veka [Problems and Prospects of Legal Science of the 21st Century]. *Yurisprudenciya XXI veka: gorizonty razvitiya: Ocherki* [Jurisprudence of the 21st Century: Development Horizons: Essays]. Saint Petersburg, S.-Peterb. un-t MVD Rossii, 2006, pp. 69-110.

25. Schmitt K. *Nomoc Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [Nomoc of the Earth in the Law of Peoples Jus Publicum Europaeum]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2008. 670 p.

26. *Erdogan obyavil o pereimenovanii Turcii v Osmanskuyu imperiyu, a dolzhnosti prezidenta v sultana* [Erdogan Announced the Renaming of Turkey to the Ottoman Empire, and the Presidency to the Sultan]. URL: <https://panorama.pub/4541-erdogan-obyavil-ob-osmanskoj-imperii.html>.

Information About the Author

Nikolay I. Grachev, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0799-1903>

Информация об авторе

Николай Иванович Грачев, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0799-1903>